

Е Н И С Е Й С К І Я
Г У Б Е Р Н С К І Я В Ъ Д О М О С Т И .

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Изъ статистическаго описанія Енисейскаго округа. Ст. М. Кривошанкина.

Изъ Статистическаго описанія Енисейскаго округа

Остяки.

(Продолженіе)

Остяки большею частию роста средняго и вообще слабосильны.

Лица ихъ не представляютъ ничего особеннаго въ выраженіи; только мужчины смотрятъ будто сурово и насмурно, какъ-то изъ подлѣбья, а женщины болѣзненно.

Многіе мужчины носятъ почти такое же платье, какъ крестьяне, будучи знакомы даже и съ рубахою; другіе же придерживаются своего костюма, который состоитъ изъ длиннаго халата, сшитаго изъ выдѣланныхъ съ обѣихъ сторонъ, иногда выкопченныхъ, а иногда бѣлыхъ оленьихъ кожъ; лѣтомъ изъ холста, или дабы, подбрюшники паша, или свои хорьки, т. е. отъ коленъ до пояса, а зимой хорьки же изъ ровдуги и сверху суконныя длинныя нагавицы; на ногахъ тоже что у женщинъ.

У женщинъ и дѣвицъ одинъ и тотъ же нарядъ: длинныя рубахи, короткіе штаны, халаты, подпоясанные и открытые нѣсколько на груди, завѣшенной всегда нагрудникомъ, черки съ холшовыми чулками на ногахъ, а за тѣмъ такіе же, какъ у мужчинъ, хорьки.

Головы у бѣдныхъ женщинъ покрываются бумажными платками, а у богатыхъ суконными или китайчатыми шапочками, опушенными ка-

кимъ нибудь мѣхомъ, на пр: бѣличьими и колонковыми прошивами, такъ что головки этихъ звѣрьковъ утверждены на переди, а ушки направлены вверхъ.

Волосы нѣкоторые стригутъ покрестьянски, а нѣкоторые распускаютъ безъ стрижки по плечамъ, дѣлая проборъ спереди. За то послѣдніе почти незнакомы съ шапками.

Относительно опрятности скажу, что оба пола очень грязны и нечистоплотны, какъ въ будни такъ и въ праздникъ, тогда какъ рыболовы обыкновенно бываютъ опрятнѣе другихъ, купайся себѣ сколько душъ угодно! Впрочемъ эта нечистота далеко не въ такой степени, какъ описываетъ ее Палласъ: видно Христианство и общеніе съ Русскими имѣли свое вліяніе благотворно.

О религіи въ Енисейскѣ мнѣ говорили: «что Остяки давно уже Христиане; потеряли даже всякое воспоминаніе объ язычествѣ; что шамановъ у нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ какъ они увѣряютъ.» У меня же, посѣтившаго не разъ ихъ чумы и землянки, оказывается на дѣлѣ вотъ что:

Если и допустить названіе шаманской религіи, то у Остяковъ она, хоть и есть, но во 1-хъ выводится по ихъ жизни вблизи деревень, а во 2-хъ они и никогда не были столь преданновѣрующими, какъ на пр. Тунгуей. Потому о шаманахъ здѣсь не скажу ни слова, оставивъ до другаго писема.

Слѣд. шаманы у нихъ до сихъ поръ случа-

ются и они этого от меня не скрывали. Замечательно, что в то время, как десятки лет трудятся обращать Бурятъ въ Христіанство, да и то мало успѣха, здѣсь совершилось все очень легко. Не знакъ ли это, что тамъ препятствуютъ ламы и признаки религіи, болѣе или менѣе организованной; тогда какъ у Остяковъ никто не препятствовалъ, да и религіи (въ смыслѣ чего-то организаціоннаго) никакой нѣтъ.

Однакожъ и до сихъ поръ Остяки плохіе еще Христіане; внутренній смыслъ имъ почти недоступенъ, а наружная сторона Христіанства плохо соблюдается, такъ на пр. по дальности церквей—младенцевъ крестятъ лѣтъ четырехъ; похороны зависятъ также отъ обстоятельствъ, а между тѣмъ мертвецы не ждутъ, предаваясь гниенію; также и свадьбы; а одобрѣніе лишаетъ Остяковъ работницъ бесплатныхъ,—такъ говоритъ преданіе—одни Остякъ просилъ у начальства позволенія имѣть двухъ женъ и когда ему было отказано, то хитрецъ спросилъ—«спу, а работницъ, какъ у нашего засѣдателя можно?»

Впрочемъ каково бы нибыло отсутствіе религіи—Остяки признаютъ добрыхъ и злыхъ духовъ, а слѣд. имѣютъ понятіе о добрѣ и злѣ. Но за признаніемъ ихъ существованія не слѣдуетъ, кажется, ничего особеннаго; ибо хоти и дѣлаютъ въ рѣдкость кой-гдѣ божковъ, но чуть ли не за тѣмъ, чтобы въ случаѣ неуспѣха выскѣ ихъ, бросить въ огонь и отправиться на мольбу къ Святителю Николаю; за всѣмъ же тѣмъ признаютъ Единого Бога, называемаго Ноостяцки Бесъ.

Главное занятіе этого племени есть рыболовство. Остяки готовятъ рыбу не только для своего прожитанія и на зиму, но и для Карасищевъ, т. е. Енисейскихъ кушцовъ, плавающихъ за Туруханскъ (*) съ товарами и привозящихъ тысящ по четыре пудъ соленой рыбы. Здѣсь замѣчу, что мнѣше проф. Гагемейстера (во II ч. на стр. 530 его статис. обзор. Сибири), будто за Туруханскомъ торговля ведется на тѣхъ же основаніяхъ, какъ ниже Березова (т. е. товарами, скупаемыми дорого въ самомъ Березовѣ),—неверно; потому что на Оби торговля производится казаками и мѣщанами,

(*) До селенія Карасицы, (отъ чего и ихъ названіе) отъ Туруханска 1000 верстъ.

слѣд. мелочью, которая, прибѣжавъ на легкихъ лодкахъ запасается товаромъ въ Березовѣ, тогда какъ здѣсь нѣсколько капитальныхъ лицъ приходятъ большими судами, нагруженными своими товарами, частью которыхъ открываютъ ярмарку въ самомъ Туруханскѣ, а частью торгуютъ на пути къ нему и по станкамъ за нимъ къ морю. Такъ говорю Остяки, размѣщаясь родами по Енисею, на берегахъ и островахъ, а по спаденію воды и на меляхъ, продаютъ рыбу Карасищамъ; впрочемъ не однимъ имъ, а также и Бѣлорыбцамъ; т. е. приплывающимъ изъ Енисейска до Имбака только, въ началѣ Августа, за бѣлою рыбою, которой въ то время уловъ.

То, что рыболовство составляетъ ихъ главный промыселъ, вполне соответствуетъ вышеприведенному преданію о происхожденіи Енисейскихъ Остяковъ.

Чѣмъ ловятъ рубу оипъ—не описываю; потому что отъ Русскихъ туземцевъ отличія нѣтъ, а слѣдовательно и будетъ все описано въ статьѣ о рыболовствѣ въ Енисейскомъ округѣ вообще.

Какъ только весенній снѣгъ началъ таять—Остякъ со всѣмъ семействомъ отправляется на берегъ известной ему, или любимой имъ рѣки и устраиваетъ тутъ своевременное жилище. «Погода хорошая; завтра я пойду ловить рыбу!» восклицаетъ онъ. А поставить чумъ—дѣло чуть-ли не минутное, какъ для цыгана бродяги разбить свой шатерь. Остяцкіе чумы даже похожи издали на цыганскіе шатры.

Чумъ дѣлается изъ бересты, (*) вареной въ большихъ котлахъ. Въ такомъ видѣ береста называется тиска (**) и бываетъ длиною до 5-ти аршинъ, а шириною иногда до 3 четвертей. Нѣсколько такихъ штукъ сшивается вмѣстѣ, по длинной линіи своей, съ помощью особаго инструмента, называемаго «дутъ»; желѣзные и деревянныя части дута равной величины, желѣзко имѣетъ чисто копьеобразную форму; длина всего дута вершковъ 6-ть. Для сши-

(*) Обрящая на это вниманіе лицъ, говорившихъ мнѣ въ Енисейскѣ, что чумъ дѣлается изъ березовой коры, напротивъ—кора остается на деревѣ; а снимается и употребл. въ дѣло береста.

(**) Тиска, т. е. вареная береста, вошло въ полное употребленіе и Русскихъ.

ванья употребляется постегонка (т. е. сеученое конопле) и называются сшитыя части полосами. т. е. говорятъ на пр. шить въ три или четыре полосы.

Отъ выворки этой—береста дѣлается мягкою, не ломкою, очищенною вполне отъ вѣтрипокъ и коры. Я думаю, что дѣлать изъ этой бересты чумы полезно по сильному противоревматическому свойству березы и потому, что береста не пропускаетъ мокра,

Чумъ состоитъ изъ 60-ти сошекъ, соединенныхъ вмѣстѣ вверху такъ, что остается, болѣе полгаршина, отверстіе для выхода дыму; въ основаніи чумъ до 6-ти аршинъ въ поперечникѣ, а высота около 4-хъ аршинъ. Вмѣстѣ съ чумомъ начинается приготовленіе вѣтки, (*) лодки, снастей и проч. и если все готово—не ждутъ вскрытія рѣки, а пробиваютъ размякнувшій ледъ пешими и продѣваютъ въ воду сѣти. При моемъ осмотрѣ чумы были почти пусты. Все имущество было въ лодкѣ.

Въ лодкѣ узкой, сажень примѣрно 5-ть длины, неимѣющей ни одного гвоздя изъ желѣза, и не углубляющейся болѣе полгаршина, былъ сдѣланъ берестяной домикъ, онъ раздѣленъ на двѣ половины и съ дверками въ каждую половину. Здѣсь между многими вещами весьма обыкновенными, употребляемыми у Русскихъ, или преимущественно у Тунгусовъ, (кои тамъ и описаны будутъ)—нашолъ я слѣдующія, по крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстныя, вещи—а именно:

1. Сумты. Этотъ инструментъ, называемый «сумты», употребляется для отдѣлки кожи. Онъ состоитъ изъ дерева около аршина длины, по срединѣ, въ болѣе толстомъ мѣстѣ, вбиты два желѣзка хорошо закаленныхъ—въ родѣ стали—и имѣющихъ такую форму, что въ широкіхъ (до 3/4 вершка) почти заостренныхъ пластичатыхъ концахъ своихъ, вышедшихъ на эту сторону, заключаются и вся сила; потому что ими-то и производится отдѣлка; тогда какъ другая половина каждаго изъ этихъ формокопытчатыхъ желѣзковъ имѣетъ форму гвоздя, вбита въ дерево съ противной стороны и выпала сюда только кончикомъ, который загнуть и приплюснуть,—словомъ весьма крѣпко. Употребляютъ инструментъ, взявшись руками за углубленные для рукъ части дерева, въ родѣ стру-

(*) Вѣтка подробно описана въ статьѣ моей о звѣроловствѣ.

га, съ той только разницей, что спустивъ (какъ бы стружку) однимъ желѣзкомъ—они дѣлаютъ небольшой оборотъ палки и заводятъ вверхъ, производятъ уже другую стружку другимъ желѣзкомъ. Такимъ образомъ, (если кожа виситъ) за однимъ взмахомъ, при нѣкоторыхъ оборотахъ инструмента, дѣлаютъ двѣ стружки, т. е. при спускѣ внизъ одну, а при подъемѣ рукъ вверхъ другую, подхвативъ уже другимъ нижнимъ желѣзкомъ.

2) Сидятоксъ. (*) Этотъ инструментъ называемый «Сидятоксъ» употребляется для мягченія кожъ, такой же длины, какъ предъидущій, сдѣланъ изъ дерева съ мѣстами для рукъ въ концахъ; а сила его заключена въ желѣзѣ, помѣщаемомъ въ углубленіи, вынѣтомъ для него въ вдавлившей сторонѣ инструмента; самое желѣзо составляетъ какъ бы пилу въ мизинецъ шириной и съ тупыми зубчиками; отъ пилы идутъ еще гвоздеобразныя концы, которые вбиваются въ дерево и выходятъ загнутыми и приплюснутыми концами. Этими концами пила, плотно уложенная въ выемку и выдававшаяся на мизинецъ изъ за оной, не подвижно прикрѣпляется къ дереву. Употребленіе Сидятокса состоитъ въ томъ, что кожу растянутую и прибитую вверху и внизу, шоркаютъ взадъ и впередъ, чѣмъ обчищаютъ и сильно мягчатъ ее.

Подготовивъ такимъ образомъ все, Остякъ будитъ свою жену назавтра словами: «скорѣ приведи вѣтку, подай сѣть, подведи собаку.» Горе женѣ, если она осмѣлится сказать ему хоть на пр. подожди, или поднять тяжело. Мужъ тутъ беретъ полвно и съ сломами—«худо дѣлается» начинаетъ колотить свою сожизненицу. Разумѣется это не всегда дѣлается, а только можетъ дѣлаться и чаще, чѣмъ у другихъ инородцевъ.

Въ Сибирской гѣтонисѣ Саввы Есипова объ Остякахъ, бродившихъ по Оби, между прочимъ, сказано: «во-истину и скотамъ неподобивши сн людіе: скоть бо, аще есть и безсловесно, но что есть Богомъ повелѣно ясти ему и не леть, звѣря или птицы, или траву сѣнную. Сн же человѣцы неподобивши снмъ, понеже . . . сыродцы, звѣрина же и падская мяса снѣдающе скверно, и кровь пяху, яко воду, отъ животныхъ, а также и траву и ко-

(*) Буква г произносится какъ Латинское дыхательное h

реніе ядяху.»

Въ этихъ словахъ странное сліяніе истины съ совершеннѣйшей ложью. Истина принадлежитъ описанной картинѣ, а ложь, и ложь, отличающаяся невѣжествомъ въ сказавшемъ ее, лежитъ во взглядѣ и сужденіи объ этой картинѣ.

За что же эта брань, это выставленіе хуже скотовъ? За то, что составляетъ плодъ нужды и требованій природы; за то, что составляетъ спасеніе ихъ жизни. Разберу по пунктамъ.

Не только Савва Есиповъ (ему простиительно по тому времени), но есть и теперь люди, выражающіеся такъ: «ничто не можетъ быть гаже и отвратительнѣе Остяка, разрывающаго зубами рыбу и съ особеннымъ удовольствіемъ пьющаго кровь.»

Грустно (чтобъ не сказать болѣе!) слышать столь рѣзкія сужденія о томъ, чего не понимаютъ. Я же отвѣчу: а, что употребленіе сырой рыбы спасительно отъ скорбута; б, что свѣжую сырую рыбу употребляютъ не одни Остяки, но все коренныя Сибиряки и при томъ такъ, что у небольшихъ рыбокъ во все не разбиваютъ головки, а трепещущуюся, посоливъ, вкладываютъ хвостикомъ въ ротъ и едва дригнетъ она во рту, какъ головка уже отпадаетъ и отбрасывается въ сторону; а крупную все Сибиряки на рыбалкѣ или во время тяга бичевой и пр. глушатъ ударомъ головы о камни, тогда какъ въ другое время, на свободѣ поступаютъ иначе; слѣд. за что же винить въ этомъ, какъ въ поступкѣ хуже звѣрскаго, однихъ Остяковъ? в, а употребленіе въ зимнее время мерзлой сырой рыбы есть общее достояніе коренныхъ обитателей Восточной Сибири; это кушанье, называемое строганиной (*) и приготовляемое изъ тонкихъ стружекъ какой нибудь лучшей Ленской, Енисейской, или Байкальской рыбы, съ солью и перцемъ, такъ прекрасно, что я не припомню къ чему бы другому (конечно изрѣдка) имѣлъ я такое сильное влеченіе. слѣд. за что же нападать на однихъ Остяковъ? Скажу болѣе—не гажели видѣть чело-

(*) Строганина отъ глагола строгать и существ. стружки.

вѣка надъ устрицами, а это между тѣмъ въ такомъ почетѣ,—впрочемъ и неудивительно—вѣдь это модное, съ Запада! Говорить же смѣло объ этомъ имѣю я право послѣ счастливаго и несчастнаго случаевъ въ арестантской больницѣ. Поступило въ больницу два содержащихся въ острогѣ, несчастныхъ Остяка, оба въ скорбутѣ. Перваго лечилъ я по правиламъ науки; но замѣтивъ, что болѣзнь не уступаетъ, обратился съ вопросомъ объ его прихотяхъ, сдѣлалъ дѣло, да уже поздно—общая водянка развернулась быстро и быстро убила. Другаго же, страдавшаго сильнѣе перваго, я немедленно посадилъ на ту пищу, какую онъ самъ назначить, вѣдъ леченіе своимъ порядкомъ. Вотъ и пошло—то сырая рыба, то свѣжая кровь, то вареная рыба, то жиръ животнаго—и все это въ перемѣлку. Какой же результатъ? Человѣкъ видимо поправлялся, когда получалъ требуемое, видимо ухудшался, когда не успѣвали въ тотъ же день приготовить требуемое, и наконецъ совершенно оправился. Замѣчательно, что каждый разъ, по выпискѣ въ острогъ, хотя и на возможность прогулки по воздуху, но какъ говорится очевидно на пищу Св. Антонія, онъ захварывалъ снова и спѣшилъ возвратиться въ больницу. Я убѣжденъ, что и Гг. Западники не будутъ мнѣ въ этомъ противорѣчить. Я вѣдь говорю дѣло, свершавшееся передъ моими глазами, а не жестоично преслѣдую этимъ всякое не мое мнѣніе и не взвожу ни на кого небывалыхъ теорій, какъ Западники на Славянофиловъ. Эхъ Г.г. Г.г! право бы дружнѣй то лучше идти къ высокой цѣли просвѣщенія нашего милаго отечества, нашей, милой Россіи! Не любите видно вы ее всемъ сердцемъ, всею душою своею, иначе не было бы этаго себялюбья, этой нетерпимости къ всякому свѣтлому новому взгляду, показавшему ошибочность вашихъ теорій! Если бы любили ваше отечество; давно бы оглянулись на свои ошибки, давно бы признались въ нихъ,—вѣдь вы люди можете ошибаться: откуда же это дерзкое убѣжденіе въ непогрѣшности, откуда отвратительная ругань Славянофиловъ? . . . Но довольно—уклонился отъ предмета.

(Продолженіе впереди)

Печатать дозволяется: Енисейскій Гражданскій Губернаторъ *Падалка*.
КРАСНОЯРСКЪ.